

Снегурка
В ПОСТЕЛЬ

МАРИЯ ЗАЙЦЕВА

Безбашенные девчонки

Мария Зайцева

Снегурка в постель

«Литнет»

Зайцева М.

Снегурка в постель / М. Зайцева — «Литнет», — (Безбашенные девчонки)

Вот я дура! Надо же так влететь! Это какое-то особое идиотское умение. И удача, что оно меня в тюрьму не привело. Ведь залезть в новогоднюю ночь в богатый дом - это преступление. А вот напялить найденный там костюмчик Снегурки с короной и в таком виде попытаться открыть сейф... Это уже издевательство над предметами искусства. Корона-то явно произведение искусства. И костюмчик, украшенный камнями и мехом, тоже. Но костюмчик не пережил наглых лап неожиданно вернувшегося хозяина. Так что я за него отвечать не собираюсь. А вот корону надо все же выдрать из волос и вернуть. Перед тем, как из постели хозяина дома сваливать соберусь.

Содержание

Сказка не про меня	5
Утро потерь и вопросов.	11
Если друг оказался вдруг...	15
Когда жопа все глубже.	19
Правильное решение?	23
Мимикрия?	26
Предложение.	29
Работа для Снегурки.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Снегурка в постель

Автор: Мария Зайцева

Сказка не про меня

СНЕГУРКА В ПОСТЕЛЬ

АННОТАЦИЯ

Вот я дура! Надо же так влететь!

Это какое-то особое идиотское умение. И удача, что оно меня в тюрьму не привело.

А могло бы.

Ведь залезть в новогоднюю ночь в богатый дом – это преступление.

Обшарить гардеробную, собрать все дорожные цапки, тоже преступление.

А вот напялить найденный там костюмчик Снегурки с короной и в таком виде попытаться открыть сейф... Это подходит под отягчающие. И издевательство над предметами искусства. Корона-то явно произведение искусства. И костюмчик, украшенный камнями и дорогим мехом, кстати, тоже.

Но костюмчик не пережил наглых лап неожиданно вернувшегося хозяина. Так что я за него отвечать не собираюсь.

А вот корону надо выдрать из волос и вернуть.

Перед тем, как из постели хозяина дома сваливать соберусь.

ХЭ

1. Сказка не про меня.

Когда утром просыпаешься и чувствуешь, как всё тело ломит, это не очень хорошее утро.

С одной поправочкой.

Когда утром просыпаешься, а все тело ломит от того, что ночью был классный секс...

То это очень хорошее утро.

Потому смело могу сказать, что первое утро нового года выдалось у меня отличным.

Проснуться в огромной свежей постели, в спальне с панорамными окнами, с видом на заснеженные елки, украшенные новогодними гирляндами... Блин, как в голливудских фильмах прям. Помню, я как-то «Один дома» смотрела, офигевала... Утро, дом большущий, весь украшенный гирляндами... Красотища. Неужели люди реально так живут?

И вот теперь, лежа и сладко потягиваясь на кровати, установленной так, чтоб прямо с нее можно было видом любоваться, я понимаю, да. Люди так живут.

И даже рядом со мной, в одном и том же городе, а не на другом конце света, живут.

И мужик, с которым я провела эту сладкую новогоднюю ночь, так живет.

Роскошный дом, чистая мягкая постель, ни разу не скрипнувшая за всю ночь, хотя трахал он меня жестко, не жалея своего имущества вообще. Обстановка, как из журнала...

Я неловко поворачиваюсь, тут же в щеку упирается что-то острое, тихо охаю, убирая мешающий предмет.

Корона.

Дурацкая корона Снегурки, что так и не отцепилась от моих несчастных волос!

Как я умудрилась ее вчера присобачить, намертво буквально? Ведь как только меня этот зверюга не валял в постели, и нифига! Как влитая, зараза! Что там за крепление такое бронебойное?

Хотя, этот вопрос вообще не стоит задавать.

Потому как – не важен в свете сегодняшней ситуации.

А важен другой. Более глобальный.

Как я вообще вчера умудрилась так встрять?

Сашка, это особое твое идиотское умение. И удача, что оно тебя в тюрьму не привело.

А могло бы.

Все же, залезть в новогоднюю ночь в богатый дом, даже если уверена на сто процентов, что хозяин на Мальдивах загорает, это преступление.

Власть полазить в его гардеробной, потырив все дорожные мужские цапки, конечно, тоже преступление.

А вот нарядиться в найденный там же, в гардеробной, костюмчик Снегурки с явно не по-снегурковски дорожной короной, что никак теперь не хотела отцепляться от моей пустой башки, и в таком виде попытаться открыть сейф... Это, наверно, подходит под отягчающие. Может, даже вандализм... Или издевательство над предметами искусства... Корона-то – явно произведение искусства. И костюмчик, украшенный камнями и драгоценным мехом, кстати, тоже.

Но костюмчик не пережил наглых лап неожиданно вернувшегося и заставшего меня за непотребным делом хозяина. Так что я за него отвечать не собираюсь.

А вот корону... Корону надо все же выдрать из волос и вернуть.

Перед тем, как сваливать соберусь.

Потому что, несмотря на то, что хозяин этого охеренного дома и оказался очень даже клевым мужиком, и в постель меня практически и не силой заташил, и удовольствия я получила вагон и еще парочку вагонов в придачу, но...

Но мы, детдомовские девчонки, с малых лет научены не верить сладким мужским словам, особенно тем, что во время секса говорят, и заботиться о спасении своих шкур самостоятельно.

А потому обещаниям про каникулы на Красной поляне я не поверила, хотя это была очень сладкая, новогодняя сказка. В которую очень хотелось попасть.

Но где Сашка и где сказка?

В одном предложении – только в качестве насмешки.

Я поворачиваюсь, все еще цепляясь за проклятый предмет искусства, разглядываю лежащего в постели мужика.

Уже по-новому, по-утреннему. Без вчерашнего испуга, переродившегося в полное сумасшествие.

Клевый. Мама дорогая, какой клевый!

На животе лежит, спина мощная, прокачанная. Плечи широченные, руки раскинул, мышцы бугрятся даже в спокойном состоянии... Зверюга, из одних жестких мускулов состоящий. Там и с животом все в порядке, все кубики, зараза, на месте. И с тем, что ниже живота, тоже вполне. И не просто вполне. А даже очень ого-го!

У меня, по-крайней мере, такого мужика точно не было.

Хотя, у меня, за мои девятнадцать, всего два парня были. И первый вообще не в счет. Еще в детдоме, один раз. Я тогда не поняла ничего толком.

Да и второй , как я теперь понимаю, тоже не фонтан.

По сравнению с этим зверем, мой бывший Рустик – дохляк и скорострел.

Живот сладко вздрагивает, тело словно само по себе вспоминает, насколько ему было клево этой ночью. Сколько раз оно, глупое, такое глупое тело, получило кайф. Я закусываю губу, оставив, наконец, в покое дурацкую корону.

Тяну ладонь к мощной спине.

Не знаю, зачем.

Может, хочется лишний раз убедиться, что не глюк у меня, не сон праздничный, дурацкий и горячий, а реальность?

Сказка новогодняя, сбывшаяся, для взрослых девочек?

С невинной (ну, условно), Снегуркой и горячим похотливым Зверюгой, утащившим эту Снегурку в свою постель?

Может же такое быть?

Вчера я имела неосторожность и дурацкую поверить.

Вовремя вспомнив, что сказки и Сашка – не совместимые вещи, я отдергиваю пальцы.

Оглядываюсь опять, прикидывая, как добраться до кабинета, в какой он, мать его, стороне.

Потому что именно там остались мои вещи.

Он их вчера из рюкзака вытряс, выискивая, что я утащить успела. Совсем немного, кстати. Ну, часы какие-то коллекционные. Парочку запонок с камнями. Костюм Снегурки этот дурацкий, что на мне не задержался. И все.

Он это дело все по кабинету раскидал, а потом меня на столе в том же самом кабинете и трахнул.

Зверь.

Хорошо так трахнул.

Учитывая, что я не сопротивлялась, то даже и с удовольствием.

А фиг ли сопротивляться?

На горячем поймал.

И мог вполне в полицию оформить.

И тогда бы меня трахали менты в приемнике.

Новогодняя ночь, праздник все же.

А так...

Очень, вот очень неплохо получилось.

Я даже думаю, что, если б мы с ним встретились по-другому... Ну, например, меня бы по невероятной случайности в клуб занесло пафосный... Или просто на улице... И ведь все бы могло так же и завершиться... В его дорогом доме, на этой охеренной по ширине и крепости постели.

Я мысленно прикидываю, как мы могли бы встретиться иначе... И нифига у меня не прикидывается. Фантазии не хватает. Слишком разные мы. Из разных миров. Настолько разных, что никаких точек соприкосновения у нас бы нет. Может, потом, если бы я поступила на дизайнерский и выбилась в люди, как мечтаю... То, возможно, на каком-нибудь из приёмов...

Я, такая, красивая, в платье... Ага, Снегурки...

Сашка, все!

Приди в себя!

И вали. Вали уже отсюда!

Я делаю движение, чтоб мягко перекатиться на край кровати, и в этот самый момент здоровенная лапища перехватывает меня за талию и по-медвежьи уминает под горячий бок.

Успеваю только глаза вытаращить от неожиданности и легкой паники.

Мама...

Надо же, размечталась, овца...

Нужно было сразу валить, как проснулась, а не спину своего случайного любовника разглядывать!

Мужик, Виктор, так его зовут. Красивое имя, Виктор. Победитель, значит. Или защитник? Не помню, как переводится, блин...

И почему тебе эти глупости в башку лезут именно сейчас, Сашка?

Так вот, Виктор, судя по всему, даже и не просыпается. Просто захотелось мягкую теплую зверушку потискать, вот и пригребает к себе поближе в полусне.

А ты, зверушка, притихни теперь и молись. Чтоб продолжал спать.

Тогда можно будет тихоооонечко... Ай!

Ладонь, полностью накрывшая мой живот, скользит ниже, по-хозяйски так, нагло! Прямо между ног! А там, вообще-то, натерто! И очень живо откликается на такое вот вторжение!

Крупный палец настойчиво раздвигает припухшие складки и проникает внутрь. Словно проверяя, как там дела. Рады ли ему.

И убеждаясь, что да. Рады.

Несмотря на бурную ночь, на то, что непривычный к таким нагрузкам мой бедный организм болит с разной степенью интенсивности в разных местах, и там, внизу, между прочим, тоже, но ощущение горячего мощного тела на мне, сильных наглых прикосновений знающего, что делает, мужчины, творят свое гнусное дело.

Я захлебываюсь воздухом, тихо шиплю сквозь зубы от остроты и жгучести грубой ласки, сама не понимая, когда успеваю раздвинуть шире ноги, позволяя уже двум пальцам проникать в меня, делать так хорошо, так больно. Так мало.

– Снегуркаааа... – хрипит Виктор, а я мимолетно думаю, помнит ли он, как меня зовут? И так ли это сейчас важно?

Он полностью наваливается сверху, прижимает животом к кровати, как-то очень быстро и невероятно мягко скользит по уже разведанной дорожке своим здоровенным членом, и мне остается только зубами в подставленное мощное запястье впиться. И выгнуться, принимая его в себя полностью.

Виктор обхватывает меня одной рукой, позволяя кусать и облизывать свое предплечье, переплетает пальцы второй руки с моими, я тут же цепляюсь за него с удвоенной силой, как за якорь в бурном море, утыкается горячими губами в висок и двигается, двигается, двигается все это время! Неторопливо и мощно, кажется, с каждым толчком наполняя меня собой все больше и больше.

Мне горячо, тяжело, не хватает воздуха, не хватает сил хоть как-то реагировать на его ласку, кроме поскуливания еле слышного и мягких укусов в руку. Он полностью опутал мое тело своим, и движения такие обволакивающие, глубокие. Задевают во мне что-то настолько чувствительное, что каждый раз – как микровзрыв кайфа.

Ааааа... Черт... Я так на него подсяду, как на наркотик!

Это же... Так же нельзя! Так просто нельзя!

Я задыхаюсь, бормочу какие-то совершенно глупые слова, о чем-то упрощаю, кажется, еще, прошу, еще, еще, еще, чтоб не останавливался, чтоб не прекращал это...

Я не знаю, сколько проходит времени, он словно машина неутомимая, чувствуется, что ему тоже все это дико нравится. Он бормочет, какая я классная, маленькая и нежная, настоящая Снегурка, светленькая снежинка, а мне каждое его слово – словно маленькая сладкая смерть от удовольствия. И голос его, такой хриплый, такой низкий, и запах его, перемешанный с запахом секса, это все – чистый незамутненный приход от кайфа.

И я плавлюсь, умираю и возрождаюсь заново. И так снова и снова.

А когда он ускоряется, неожиданно, но так же, как и до этого, тяжело и сильно, я взрываюсь.

И, кажется, кричу. Потому что выдерживать это все больше не в силах.

Он следует за мной, выдыхает в висок, поворачивает меня к себе за подбородок, жадно и долго целует, окончательно этой сладкой лаской утаскивая в проспать.

Мы так и засыпаем, обнявшись, в это чудесное новогоднее утро. Он только чуть смещается, чтоб дать мне возможность дышать.

Я, сладко уставшая, вымотанная, измученная долгим сексом. И он, абсолютно довольный.

Просыпаюсь примерно через пару часиков, и несколько секунд не могу толком разлепить ресницы, настолько ярок отраженный от снега солнечный свет, льющийся из окон.

В этот раз, без размышлений и всяких нежностей, соскальзываю с кровати и практически ползком двигаюсь на поиски кабинета.

К счастью, схему я помню хорошо, кабинет нахожу сразу.

Там переодеваюсь в свое шмотье, прихватываю рюкзак, вытираю все поверхности, до которых могла дотронуться и, особенно тщательно, стол, помнящий творящийся на нем ночной новогодний разврат.

Оставляю все побрякушки. Практически с ненавистью, с клоком волос выдираю проклятую корону.

И ухожу тем же путем, что и пришла. Через гараж.

Радуюсь тому, что Виктор еще с ночи поднял обратно роллставни. А еще тому, что так легко отделалась.

Я не жалею ни о чем. Ни о случившемся сексе, о таком грех жалеть, вспоминать надо, наоборот, по праздникам.

Ни о том, что не взяла ничего из его дома, хотя именно за этим и шла, и теперь Ванька, который навел меня на этот дом с единственной задачей, взять флешки из сейфа в кабинете, будет орать и предъявлять.

Этот придурок может делать, что угодно, потому что, несмотря на мою недалекость и дурную веру в детдомовское братство, я все же имею инстинкт самосохранения. И кое-какие мозги.

И брать что-либо в доме человека из Конторы...

Нет уж.

Ванька меня подставил, скот, не сказал, к кому я иду.

Виктор был более откровенен. Я не успела толком разглядеть его должность, но вот звание подполковника ФСБ прочла четко в небрежно раскрытых корочках.

Он их мне показал после того, как трахнул на столе в кабинете. И перед тем, как унес дальше трахать в спальню.

Так что, хорошо, что выбралась, и хорошо, что невредимая.

Понятное дело, если захочет меня найти подполковник, то найдет. Кроме пальцев, кстати, ни в одной базе не зарегистрированных, потому что у меня приводов в полицию не было, там полно моего эээ... биоматериала осталось. Но я надеюсь, что ему не придет в голову меня искать.

До сейфа я не добралась, все цапки вернула, а за то, что влезла без разрешения в его дом, отплатила сполна.

Мы в расчете.

А вот с Ваньки я спрошу.

Моральный, мать его, вред.

Не рассказывать же придурку, что никакого вреда не было?

Я выскальзываю из дома, как мне кажется, незамеченной, и бодро топаю прочь.

И по пути приказываю себе забыть сладкую новогоднюю сказку.

Не про меня она.

Совсем не про меня.

Утро потерь и вопросов.

Виктор Старицкий, подполковник УСБ ФСБ, на минуточку, самый молодой на такой должности и в таком звании по стране, проснулся позже обычного. Ну, новогодняя ночь, тем более, такая... Простительно.

Провел рукой по кровати, пытаясь нащупать непонятно куда закатившуюся маленькую беленькую Снегурку, что добрый Дед Мороз притащил ему в этот Новый Год в постель в качестве подарка.

И не нашел.

Поднял голову, сонно огляделся, а потом, чертыхнувшись, подскочил с кровати.

Посмотрел на открытые роллставни, опять выругался.

Повелся же вчера на уговоры, открыл, чтоб Снегурка салют новогодний посмотрела на соседском участке.

Эти придурки до четырёх утра бабахали с периодичностью в полчаса. Так что Виктор и потрахать успел и девочку не своими руками созданным чудом развлечь.

В другое время он бы им серьезно предъявил. Идиоты какие-то, не знающие, кто у них в соседях ходит... Хотя, Виктор не сомневался, что отец уже все давно про них пробил, так что идиоты, скорее всего, не безымянные. Но ему, Виктору, лично не знакомые.

Фейерверк они устроили роскошный, кстати.

Виктор вспомнил, как отражались разноцветные огни в изумленно и радостно распахнутых Снегуркиных глазах. Как она смотрела, и, кажется, не дышала даже.

А он на нее смотрел.

И тоже не дышал.

В первый раз, наверно, в жизни так реагировал на чужую радость.

Она была трогательная. Маленькая такая, беленькая, с курносим аккуратным носиком и пухлыми губками.

Невинность сплошная. Никогда не подумаешь, что домушница.

Само собой, эта внешность ее – своеобразная защита, мимикрия.

Виктор не работал никогда с домушниками, с ворами обычными, но представление имел, естественно.

И понимал, что эта внешняя невинность, эти огромные испуганные глазищи, эти губки, влажные, раскрытые – все это лишь наносное.

Понимал, что на случай, если ее примут, как раз такая невинность вернее всего защитит.

Простая психология, которой ворье обычно владеет в совершенстве, на уровне инстинктов практически.

Если женщина застанет на горячем, то здесь тут же будет спектакль с сиротскими мотивами. Примерно пятьдесят процентов баб ведутся и отпускают таких воровок после легенды о детстве детдомовском и что кушать хочется. Даже если застали не на кухне за жрачкой, а у сейфа с цацками.

А если мужик поймают, то та же схема, но с вариациями. В зависимости от возраста мужика. Либо сиротское детство, либо, как с ним, с Виктором. Незаметное и наивное соблазнение.

Понимал он это все еще вчера, когда поймал ее у отцовского сейфа. Все просек.

А вот реагировать не захотел. Так, как профессионал должен бы среагировать.

А вот как мужик усталый – вполне.

Не, вначале, естественно, хотел сделать все правильно.

Потому что девка, пробравшаяся в дом генерала ФСБ... Ну, это засада. Это значит, что где-то по службе мощный проеб.

Виктор оценил обстановку, шустро отправил Карину, которую все равно не особо хотел тряхать, восвояси.

И занялся неожиданным подарком.

Подарок вела себя спокойно и по-босаяки привычно. То есть, плакалась на жизнь, причитала и сразу призналась, что попала сюда случайно.

Виктор, естественно, не особо поверил, но, когда сказала про дверь гаража, прикинул, что, может, и не врет. Отец с матерью уезжали в дикой спешке, потому что отца до последнего задерживали дела, и вполне могли и не проверить все ходы-выходы. В конце концов, обычно в доме прислуга оставалась. А тут тетя Валя уехала к своим на праздники, а очередную горничную мать как раз перед поездкой рассчитала.

Да о чем говорить, если даже роллставни не закрыты были!

Хотя, отец их редко закрывал. Весь город в курсе, кто тут живет, и лезть сюда мог только полный отморозок. Или левый, случайный человек.

Похоже, маленькая Снегурка была как раз вторым вариантом.

Потому что взяла херню полную, часы, которые не продашь у них в городе по нормальной стоимости, только в ломбард загнать за штуку рублей. Запонки – то же самое. Нет у них таких приемщиков, чтоб реальную цену отвалили. А, значит, наобум тащила.

Но самое мощное, что говорило в пользу случайности, это то, что Снегурка напялила новогодний карнавальный костюм Светки.

Сестре его шили на заказ, и он, кстати, ей дико не понравился, а потому так и остался в доме висеть.

Снегурка на него напоролась нечаянно и нацепила.

Профессионалы так себя не ведут. А вот нелепые случайные воришки, не понимающие, куда встряли, в легкую.

В принципе, это все Виктор срисовал в минуту, даже особо не проводя допроса. В конце концов, за столько лет работы в СБ ему уже не требовалось слушать, что человек говорит. Достаточно было видеть, как он это говорит. И воспринимать совокупность показателей.

Девчонка не врала. По крайней мере не думала, что врет. Явно чего-то не договаривала, но тут Виктор сделал скидку на самую тупую ситуацию и естественный испуг.

Она стояла, чуть ли не плакала, кусала губки, сдувала светлые волосы с лица. Корона, как рассказывала мама, нереально дорогая, сделанная под заказ у московских ювелиров, сползла на бок, придавая девчонке еще больше лихости, вперемешку с нелепостью и очарованием.

Виктор смотрел на нее, тягуче, внимательно, она смущалась и каменела под его взглядом, дрожала, сжимала нервно пальцы...

Длинные тонкие ножки, в неожиданно грубых ботинках, голубой камзольчик, с богатой опушкой по подолу, рукавам и капюшону.

Ей шло больше, чем Светке.

У сестры, с ее рыжими вьющимися волосами, какая-то нелепица получалась.

А эта... Пряма невинность в грубых ботинках...

Он и сам не понял, как приказал ей подойти. Не ожидая особо, что подчинится, думал, что, может, наоборот, ускачет прочь. А он тогда просто поймает и сдаст в полицию. Чего с ней возиться?

Но она закусила губу, распахнула глаза еще шире, оставила в покое свою корону... И пошла.

К нему.

На подгибающихся тонких ножках.

С бешеным румянцем на щеках.

Хорошенькая, маленькая Снегурка.

Так удачно попавшая в его дом.

Ну вот как тут было не соблазниться?
Не утащить в постель?

Нет, если б прям сопротивляться начала, то Виктор бы, само собой, не стал настаивать. Он прекрасно осознавал, что то, что он делает, не особо похоже на согласие, ситуация подчинения и безвыходности с ее стороны...

Но это заводило.

Он иногда любил поиграть в такие игры. И знал, что многим женщинам это нравилось. Снегурке тоже нравилось.

Он проверил.

Мокрая была, когда раздел ее, просто нереально.

И горячая.

И открытая.

Эта смесь порочности и невинности очень серьезно торкнула в голову, и на время Виктор забыл про окружающий мир.

А, когда опомнился, девчонка лежала под ним, смущенная собственной реакцией, исцелованная, затисканная... И так и требовала продолжения. Уже не на отцовском столе, естественно.

Короче говоря, ночь удалась.

Темпераментом Снегурку бог не обделил, такие женщины на пути Виктора нечасто встречались, а потому он увлекся.

И на полном серьезе не хотел отпускать ее утром.

И на полном серьезе звал в Красную Поляну, кататься на лыжах. Не загадывая на будущее, не планируя. Впервые в жизни позволив себе отключить мозг, хоть ненадолго.

Год выдался адский, на работе без косяков не обходилась ни одна неделя, а его назначение руководителем СБ ФСБ по городу и области многим не нравилось. И наличие папы-генерала тут только усугубляло ситуацию.

Виктор никому ничего доказывать не собирался, кроме начальства, естественно, да и то, по рабочим моментам, но все равно нервяк был.

И потому на Новый год он планировал отдохнуть.

Подхватил в ночном клубе Карину, прилипшую к нему баннным листом, но не захотел ехать к себе, до родительского дома было ближе.

Вот и приехал.

А тут такой подарочек.

Снегурка в постель.

Сладкая, горячая и нежная.

Короче, самое то, что требуется, чтоб расслабиться.

Вот и расслабился.

И планировал еще расслабляться.

Утром.

А она, значит, решила переиграть.

Виктор усмехнулся, прошел по дому, особое внимание уделяя возможным пропажам. Но нет.

Снегурка захватила только свои вещи.

Сейф с двойной кодировкой и дополнительной защитой по отпечатку пальца не тронула. Разбросанные по кабинету побрякушки так и остались валяться.

На столе, где они вчера начали свое новогоднее развлечение, лежала корона Снегурки.

Виктор взял ее, задумчиво покрутил в пальцах. Вынул из крепления светлый длинный волос.

Глупая Снегурка.

Пальчики подтерла.

В том, что легко найдет ее, Виктор не сомневался.

Вот только, надо ли?

Или пусть так и останется новогодним приключением...

Он положил корону обратно на стол и отправился в свою комнату, пожизненно закрепленную за ним в родительском доме.

Досыпать.

**Девочки, кому интересно, визуалы в группе
вк) и еще есть шикарный Буктрейлер!!!**

Если друг оказался вдруг...

– Сашка, ты охерела!

Ванек бегаёт по своей грязной комнатке в коммуналке, которую получил от мамашипьяни, давно умершей. Останавливается только на перекурить нервно, да в окно посмотреть.

Не знаю, что он там хочет нового разглядеть. Дерьмище окраины, бараков пятидесятих годов, временного жилья комсомольцев, приехавших со всей страны на комсомольскую стройку.

Временное жильё, ставшее постоянным.

Бабка Ваньки тоже была из этих. Комсомольцев. Светлое будущее строила, ага. Так и померла тут, в этом бараке. Не исключено, что на этой же кровати, где сейчас Ванька спит, да баб своих одноразовых трахает.

Я потому не хочу тут оставаться. Поначалу думаешь, что оно на месяц буквально. Перекантоваться в трудные времена. А месяц этот в года растягивается. И потом сама не замечаешь, как... Уже никуда не хочешь.

Нет уж.

Это все – не моя судьба. Не наследственная.

У меня, в отличие от Ваньки, никакого понятия о собственных предках.

Хер их знает, может, они нормальные люди были. Правда, нормальные люди в роддоме не отказываются от младенцев, но... Мало ли что бывает...

Ловлю себя опять на этой тупой слабости: знакомом каждому детдомовцу желании быть не таким, как все остальные. И мечтать о том, что мама придет и заберет. Что произошла ошибка, и так далее. Весь этот бред, короче.

Нехило все же меня новогодняя блядская ночь подкосила. Чудо новогоднее.

Возвращайся-ка, Сашка в реальность.

Вот она, твоя реальность.

Бегаёт с обосранными штанами по комнате, курит и матерится.

А тебе, похоже, похер...

Смешно как. Реально похер.

Наблюдаю за его прыжками с интересом школьника, лапки у мухи отрывающего.

Не жалко его. Брезгливо только.

Ванька, наконец, выбрасывает сигарету. Отрывается от разглядывания срани за окном.

Разворачивается ко мне с видом человека, принявшего решение.

– Короче, так. У меня на этот дом и на эти флешки был заказ. Ты, сучка, меня подставила. Значит, тебе и отвечать, поняла?

– Эй, тормози, тварь!

Я вскакиваю и делаю шаг к нему.

Понимаю, что за секунду разгоняюсь на сотку, но не могу тормозить.

Этот гондон мне сейчас предъявляет? Это я ему должна предъявлять! Он подставил меня! Тварь! Мы столько лет друг друга знаем! А он вот так в лёгкую отправил меня в дом подполковника из Конторы! И вообще не парится по этому вопросу! Все, что его занимает, так это прикрытие своей жопы! А если б

Виктор меня там не захотел трахать? А? Если б тупо сдал в ментовку? Я бы срок тянула! А он, Ванька, максимум, как соучастник пошел бы! И, возможно, отделался условкой! Потому что у меня никаких доказательств его причастности! Только мое слово! Против его! Но я его не сдала! Не сдала! И сейчас он смеет мне предъявлять? Говно!

Все это я ему высказываю в таких выражениях, что моя воспитательница в детдоме, Валентина Васильевна, явно бы не гордилась. И, может, даже подзатыльник бы дала. Но тетя Валя давно в могиле. А я здесь. Рядом с этой тварью, отправившей меня на срок верный.

– Да ты, сучка, не смогла даже сейф открыть! Тебе все дали! И коды, и схему! – орет в ответ Ванька и толкает меня к стене. На эмоциях.

Я, легкая, а потому отлетаю. Больно стучаюсь лопатками о жесткую крашеную поверхность. Но тут же группируюсь, отскакиваю от стены и в полете цапаю гада за ухо зубами. Хорошее место. Болезненное. И кровавое.

Ванька, несмотря на то, что знаком с моими манерами, все же не успевает увернуться.

И падает на пол, визжа, словно поросенок.

А я вытираю окровавленный рот, подхватываю со стола нож.

Раз пошла такая пьянка, сука, режь последний огурец. Это тоже не мое авторство, если чего, это сторож наш, дядя Миша так приговаривал. Хороший мужик. Жаль, тоже спился и помер. Замерз в снегу. Под Новый год, кстати, как раз.

– Ваня, ты меня знаешь, – шиплю я, недрогнувшей рукой приставляя нож к горлу придурка. Он затихает. Потому что реально знает.

Я, вообще, тихая, как мышка. И спокойная очень.

Пока не выведут. А тогда только одно средство – связать и запереть где-нибудь.

Только так.

Наша врачиха в детдоме чего-то там диагностировала мне, какую-то неврологию, что ли. Пофиг.

Главное, что рука у меня не дрогнет. Убивать его, я, конечно, не буду. Но порезать могу. А Ванька, он такой... Крови боится сильно. И сейчас орет не столько от боли, хотя хрящ хрустнул сладко под зубами, должно быть больно, а больше от вида крови. Того и гляди, в обморок хлопнется.

– Кто тебя посылал? Говори все, придурок.

– Раньше надо было спрашивать, дура! А то нюни распустила... – хрипит он, косясь на мои окровавленные пальцы на рукояти ножа.

– Да, согласна. Овца. – Ну, тут сложно противоречить, если правда, – но ты не ответил. И еще вопрос – какого хера сам не пошел? Испугался?

– А ты как думаешь? Тебе-то проще. С твоей мордой. Могут и за малолетку принять. И за несовершеннолетнюю. А меня сто процентов на зону. А мне нельзя.

– А мне можно, значит?

– Да кто бы тебя отправил? Ты вон, и в этот раз выкрутилась! Выкрутилась же? Напела хозяину про сиротское детство...

– Не твое собачье дело, как я выкрутилась, – огрызаюсь я и убираю нож.

Ваньку я знаю, кидаться больше не будет. Его на место несложно поставить. Но на вопросы мне нужны ответы. Чтоб понимать, насколько я глубоко в жопе, и есть ли шанс выбраться.

Сажусь за стол. Бросаю нож подальше, к окну.

Хочется закурить, но я бросила это дело. Дорого выходит. А у меня пока что не то положение, чтоб удовольствие себе покупать...

– Давай, рассказывай, как подставился и меня подставил.

Ванек, кряхтя, встает, ползет сначала к раковине, расположенной прямо в комнате, умывается, смывает кровь, уныло матерясь на мое сумасшествие, а потом садится за стол с другой стороны, смотрит в окно тоскливо и прикуривает.

Выдыхает дым. И раскрывает рот.

И, по мере его рассказа, я понимаю, что совершила очередную ошибку.

Не надо мне было уходить из дома подполковника. Целее была бы. Ну, подумаешь, попользовал бы он меня еще недельку (это ты, Сашка, конечно, перегнула, высоко слишком себя оценила, но мало ли...). За недельку как раз, может, и рассосалось бы все. А сейчас...

Короче говоря, Ванька-придурак вперся.

Жестко вперся, как умеют только поверившие в себя ублюдки, решившие, что поймали удачу за хвост.

Игра, она никого до добра не доводила никогда, и примеров перед глазами – вагонище.

И то, что Ванька все же на это дело подсел, говорит только о его полной пустоголовости и отмороженности. И ни о чем больше.

А то, что я не просекла этого до сих пор, говорит о моей пустоголовости.

Ладно, Сашка, нехер плакаться. Выбираться надо.

Ванька, естественно, задолжал.

Нехило задолжал. Потому что, идиота кусок, взял бабки не у тех людей.

И теперь для того, чтоб ему скостили долг, он должен был выполнить заказ.

С чего ему предложили такой способ расплаты, спросите вы? Учтывая, что он никакой не домушник и никогда с этим не связывался, только косвенно, наводя знакомых пацанов на хорошие дома?

А я отвечу.

Ванька, не просто идиот. Он еще и пиздабол. Потому что, оказывается, долго и упорно свистел всем, какой он крутой и удачливый вор. И досвистелся.

Непонятно, почему ему поверили, хотя, не факт, что поверили, но по крайней мере, запрягли. Выставили условие. А он не мог отказаться. И ссал до ужаса сам лезть, тварь трусливая. И думал, чего сделать.

Как отбодаться. Потому что жопой чуял неладное. Залезть в богатый дом и взять какую-то флешку... Это, бля, палево какое-то. Даже такой дурак, как Ванек, понимал.

Но отдать заказ никому не мог, времени было в обрез, все, кто был на свободе, уже либо умотали из города, либо начали отмечать Новый Год за неделю. И, естественно, были в некондиции.

Короче говоря, Ванька трусил, страдал, переживал, волосы на себе рвал.

А тут я появилась. Кстати. Со своим горем. Вся погруженная в себя, не замечающая очевидного душка от тупой истории.

Надо ли говорить, насколько этот утырок был счастлив?

– Ты знал, к кому я иду?

– Нет, Сань! Не знал! Сказали, богатый дом... И все!

Я смотрю на Ваньку и понимаю, что, возможно, и не врет.

Но от этого не легче.

– И чего теперь?

– А теперь с меня спросят. Вернее, с тебя. Потому что я про тебя сказал.

– Сука ты, Ваня.

– Саш, все было бы нормально, если б ты не ступила!

Он молчит, потом добавляет, не глядя:

– Ты же понимаешь, что я не смогу молчать? Они спросят. А твой ответ, что ты в доме была и ничего не взяла... Ну, короче, это не те люди, чтоб поверить, понимаешь?

– Что за люди?

– Козловские...

И после этого я, еще на что-то надеявшаяся, понимаю, что все. Вот просто все.

Козловские, люди страшного мужика с тупым и стремным погонялом «Козел», кстати, нифига не погонялом, а реально его фамилией, были самыми отмороженными тварями, которых весь город знал.

Я смотрю на Ваньку, понимая, что все разговоры о том, что он тупое недалёковидное чмо, и что, если он думает, будто, сдав меня, не доиграется до отрывания яиц... Все эти разговоры – пустая трата времени. И надо валить. Вот прямо сейчас.

Я встаю. И иду на выход.

– Сашк... Ты прости меня, а?

Ванек сидит за столом, вид у него на редкость пришибленный и жалкий. Но я не собираюсь это оценивать и за него переживать. Наше прошлое он растоптал своим тупым поступком. Меня подставил под самых страшных чертей города. И жалеть его? Да пошел он!

Я даже не смотрю на него, когда выхожу за дверь. Хлопнув ею напоследок от души так, что сверху сыплются тараканы.

Выхожу на улицу. Задыхаюсь от морозного вкусного воздуха.

Новый Год, так интересно начавшийся, продолжается привычной жопой. Вернее, не привычной. А гораздо, гораздо более глубокой, чем до этого.

Но ничего. Мне не привыкать.

Работы нет. Жилья нет. Денег нет. Проблемы есть. Бандиты на хвосте есть.

Шикарный итог.

Шикарное начало новой жизни в Новом году, Сашка.

Все правильно.

Нехер таким, как ты, в сказки верить.

Не про нас это.

Я зябко передергиваю плечами, шурюсь на яркий, ослепительный снег, и, сунув руки в карманы, топаю прочь от барака.

Ничего. Прорвемся.

Деваться просто некуда.

Когда жопа все глубже.

– Слышь, у тебя штука есть?

Голос за дверью появляется примерно через пятнадцать минут после моего первого посылы. Не особо жесткого. Я по-привычке девочку-ромашку пытаюсь изображать. Но , похоже, тут не так срабатывает, как должно.

По крайней мере, сынок хозяйки комнаты, по виду наркоман с серьезным стажем, не впечатляется.

Первый раз он подходит ко мне прямо сразу после того, как его мамаша, отдав мне ключи и выудив последние пятьсот рублей предоплаты за грязную конуру в одном из барачков, сваливает в туман. С сынулей, что характерно, не общается, демонстративно поджимает тонкие губы и игнорирует все его завывания про бабки и про старую марамойку.

Высокие отношения, да уж.

Я проверяю замок на двери комнаты, прежде чем отдать последние имеющиеся у меня наличные. Нормально. Ломаный, конечно, и зайти – нефиг делать, но это если стараться. А тут, судя по виду и запаху, стараться некому. Сын хозяйки выглядит так, словно не сегодня-завтра коньки отбросит. На ногах язвы, воняют. Значит, на тяжести сидит, на аптеке.

Мне плевать.

Мне бы ночь переночевать. Или две.

Просто в себя прийти. Решить, что делать.

Не хотела я в это все возвращаться. Не хотела. Мечтала о другом.

Ага, Сашка, где ты, и где мечты?

Сажусь на стул, выдыхаю.

– Слышь, как тебя там? – гундосит наркоман, стучит в дверь, – дай займы, а?

– Извините, у меня нет ничего, – пишу я, стараясь придать голосу невинность и жалость.

Может, отвалит?

Матерится, уходит.

Встаю, подхожу к окну.

Ну что, Сашка, такую жизнь ты хочешь, да?

Барак, давно подготовленный к сносу, и никак этого самого сноса не дожидаящийся. На улице бело. И это хорошо. Грязищи не видно многолетней. Сюда не ездят скорые, из транспорта – только троллейбус.

Такси тоже не ездят. Здесь живут опустившиеся наркоманы, пьянь, полу-бомжи. Никому не нужные старики, никому не нужные дети.

И я вот теперь тут живу. Шла, шла, думала о чем-то, мечтала... Вот они, твои мечты, Сашка.

Вот оно, твое возможное будущее.

Нихрена.

Злость накатывает вполне ожидаемо.

На себя, дуру, так феерически впершуюся.

На Ваньку, тварь, так легко предавшего.

На неведомую мамашу, так легко оставившую меня в роддоме.

На...

– Слышь, у тебя штука есть? – гугнявый голос ложится на мою злость очень даже кстати.

– А как же!

Резко разворачиваюсь, подхватываю по пути тяжеленную табуретку, открываю дверь и с размаху убываю этой табуреткой в лоб привалившемуся к косяку придулку.

Он валится на пол, верещит. Морда вся в крови. А я перехватываю оружие поудобней, подхожу ближе:

– Хотел чего-то?

– Нет! Дура! Отмороженная! Так бы и сказала, что нет! Чего сразу?.. – он отползает от меня по коридору в свою комнату, вереща и заливая пол кровью из разбитого лба.

– А то приходи! Только стучи сначала. А то у меня, как из дулки выпустили, слух пропал. Могу, не разобравшись, уебать. Прямо вот как сейчас.

Он еще что-то орет, уже из своей комнаты, за закрытой дверью.

А я подхожу к ней и для закрепления результата стучу табуреткой.

– И это, ты поменьше шляйся по коридору, а то у меня видения всякие бывают. Могу начать чертей гонять. Типа белой горячки, понял?

– Мамаша, сука! – воет он из-за двери, – так и знал, что без говна не обойдется! Тварь!

Я контрольно грохаю по двери табуреткой и ухожу к себе. Само собой, эти меры временные, до первого прихода у твари. Но, может, к тому моменту меня здесь и не будет уже.

Захожу в комнату, оцениваю степень чистоты постельного белья на допотопной кровати.

Брезгливо приподнимаю простынь.

И оставшиеся полдня провожу с пользой для организма и для мозгов. Потому что организм нагружается физическим трудом, а мозг не просчитывает варианты дальнейшей жизни (все равно в них ни одного хорошего, так чего мучиться зря?)

Мою порванными на тряпки простынью и пододеяльником комнату, чтоб не так страшно было прикасаться ко всему. Вытаскиваю на белый снег матрас и подушку, хорошенько выбиваю их найденной во дворе доской и вывешиваю сушиться сначала на балкон, а потом на батарею.

Знакомлюсь с соседкой снизу, по виду – вполне приличной бабушкой с легкой степенью малярии.

Разживаюсь у нее постельным и одеялом. Относительно не затасканным. В довесок получаю кружку, ложку и миску. А еще пару пачек роллтона, три пакетика черного чая и приглашение брать кипяток, когда мне надо будет.

Сука, да жизнь-то налаживается!

Поздно ночью ложусь в кровать, укрываюсь одеялом.

И выдыхаю.

Все, Сашка. Все. Дальше будет лучше.

Сосед опасливо шуршит тапками по коридору. Кажется, охренел от моего размаха.

Ну и пофиг. Спать.

Утром просыпаюсь с соплями и температурой.

Лучше будет. Ага.

Следующие три дня проходят в угаре. Лекарств у меня нет. Сил вставать нет. Да и смысла в этом тоже нет. Денег, чтоб хоть аспирин купить, нет.

Куда ни кинь – ничего нет.

Просто открываю и закрываю глаза. Удивляясь вяло. Моргнула – утро. Опять моргнула – ночь...

В бреду вижу почему-то своего случайного любовника. Виктора. Победителя. По жизни. Ага.

Он меня целует. Так сладко. Так сладко! Меня никто никогда так не целовал. Никто никогда не хотел так. Не брал.

Зачем я убежала от него? Дура... Явно бы в полицию не сдал...

Интересно, где он сейчас? Наверно, отдыхает, развлекается... Трахает красивых баб. И не вспоминает о стремной смешной Снегурке, чуть не обнесшей его дом.

Надо было остаться... Надо было...

– Ну чего ты плюешься? Пей! Тебе надо!

Горечь на языке, мерзкий запах перепрелых листьев. Мне в губы настойчиво пихают щербатый край кружки. Голос, трескучий, старческий, уговаривает выпить отвар.

Кажется, соседка снизу... Ну надо же, любопытная какая бабулька...

Я пью. Куда деваться? И засыпаю.

Интересно, а он поехал на Красную Поляну, как хотел? И с кем? С той красоткой, которую отправил прочь в новогоднюю ночь? Или кого другого прихватил?

– Садись, давай... Вооот... Раздевайся, а то употела вся. Ничего-ничего... Организм молодой у тебя, вот как, без лекарств выкарабкалась...

Покорно поднимаю руки, позволяя стянуть с себя футболку. Взамен на меня натягивают какую-то безразмерную хламиду, отчаянно воняющую дешевым порошком и лежалыми вещами. Но зато сухую.

А это сейчас важно.

– Сколько я уже лежу?

Губы сухие. И голоса нет.

– Неделю. Я тебя только три дня назад нашла. Думаю, чего это девка не выходит совсем? У Васьки, дурака, спросила, а он говорит, что ты уже день целый не выходишь никуда. До этого хоть в туалет моталась. А тут все. А ты правда, что ль, припадошная?

Бабулька опять пихает мне отвар, воняющий распаренным веником.

– Ага... Немного...

– Понятно. Ваську напугала. Он мне так и сказал, что это приступ у тебя. И что ты его, дурака, чуть табуреткой не прибила. Ну и хорошо. И ладно. Ты пей. Это настойка смородиновая. Полезная. Я своего старика с того свету только ей вытаскивала. Пей. Врача не вызову, не проси. Не ходят они сюда.

– Не надо врача. У меня нет денег. И полис просроченный.

– Ну тогда тем более. Пей и лежи. Я тебе попозже супчика принесу. Из кубика куриного. Вкусный.

– Спасибо...

– Да не за что, девочка, не за что... Жаль тебя, маленькую. У меня внучка такая могла бы быть...

Бабулька выходит, а я пью отвар, уже примирившись с мерзким привкусом неизвестно, в каком году собранной травы, и опять засыпаю. В этот раз без бреда. И Виктора не вижу. И это хорошо. Незачем потому что.

Примерно дня через два, когда я, уже практически не держась за стенки, ползу из туалета, слышу голос соседа за дверью. Он разговаривает по телефону, похоже. Меня в этот момент удивляет само наличие телефона у него. Неужели не отнес еще за аптеку свою? Или украл у кого-то?

– Ага, Васильева Александра... Да, девятнадцать лет, блондинка, маленькая такая. Бешеная. Ага. А точно заплатите?

Дальше я уже не слушаю. Тороплюсь сильно.

Твари Козловские, похоже, по местным притонам мои приметы раскидали. А это гадемыш из кумара своего вынырнул, узнал и стукнул.

Надо уходить.

Из вещей у меня только сумка с документами. Спешно проверяю, все ли на месте. Лазил, тварь наркоманская, по моим вещам. За такое надо бы наказать, но некогда мне.

Шатаюсь от слабости, все же по пути стучусь к бабульке, спасшей мне жизнь. Просто, чтоб спасибо сказать.

– Бог с тобой, девочка...

Она меня крестит на прощанье.

Я в Бога не верю.

Ни во что не верю. Потому просто целую ее и ухожу. В проулок между бараками, к остановке транспорта.

В промерзшем троллейбусе сажусь ближе к месту кондуктора, там теплее, выгребаю последнюю мелочь.

И вижу в окно, как в проулок сворачивает тачка.

Торопливо отворачиваюсь.

Может, есть он, Бог? Или бабулькины пожелания помогают?

Неважно.

Важно, что я разминулась с Козловскими буквально в минутах.

И это тоже можно считать за новогоднее чудо, ведь так?

Правильное решение?

Дом , в котором я провела самую странную новогоднюю ночь в своей жизни, выглядит обжитым. Роллставни подняты, в окнах внизу, в гостиной, свет.

Больше ничего разглядеть не удастся, потому что вокруг камеры, подходить страшно-вато. В этот раз нет со мной Ваньки, не к ночи будь помянут, чтоб вырубить сигнализацию. И обесточить камеры.

А , значит, срисуют меня за милую душу.

Я прячусь под красивой елочкой, украшенной гирляндами, и разглядываю дом. Прикидывая, выходить ли к камерам, звонить ли? Или подождать?

А чего ждать-то, с другой стороны?

Сашка, ты разве не за этим пришла сюда? Не потому торчишь тут, на морозе, уже битых полчаса?

Замерзла до состояния сосульки.

Не то что зуб на зуб, а вообще ничего никуда не попадает! Кажется, что все кости друг о дружку с противным скрипом бьются!

И надо бы уже принимать решение, пока окончательно от холода не околела.

Но не могу. Не решается никак.

Вот чего делать?

Просто подойти и позвонить в домофон?

А если он женат?

Хотя, женатый не звал бы на Красную Поляну...

Или если его нет? Или он с кем-то?

Домина здоровенный, вряд ли он один живет. Сам говорил про сестру... Может, мать еще, отец... Хотя, такой мужик с семьей не будет жить. Тогда прислуга. Не сам же он себе рубашки гладит? И явно не мать его полы тут моет.

Вообще, тупое решение. Слабое и неправильное. Нищенское какое-то.

Сначала смотала, типа, гордая такая, а потом явилась : «Дяденька, пожалейте»...

Нет, Сашка, это неправильно. Это тупо. И надо как-то по-другому. Придумать что-то.

В конце концов, я не просто так...

Вот да!

Я начинаю пританцовывать на месте от неожиданно пришедшей в голову идеи. Вернее, идея-то у меня давно крутится, но решаюсь на ее осуществление я только сейчас.

Видно, холод неплохо прочищает мозг.

И убирает ненужный хлам из головы , типа ложного стыда, или всяких глупостей про то, что нельзя сдавать своих.

Все же вбита у меня эта херня плотно в подкорку.

А это плохо.

Это мешает.

Значит, надо выбивать.

Вот и выбью.

У меня есть, что предложить моему бешеному любовнику в обмен на помощь. Хотя бы денежную. Если еще и Козловских с хвоста отцепит, буду благодарна до конца жизни.

В конце концов, думаю, что история про непонятную флешку, что валяется у него в сейфе, а еще про то, что код от сейфа сейчас только совсем тупой не знает... Ну, это стоит дорого.

Конечно, придется объяснять, почему я раньше не сказала, почему соврала... Но тут, Сашка, глазки кота из Шрека тебе в помощь. И слезки. В прошлый раз мужик впечатлился вроде. По крайней мере, не в полицию сдал, а трахнул. Может, и в этот раз...

Нет, Сашка! Больше не надо! А то так и привыкнуть можно своим телом платить за защиту и помощь... Нет уж. Неверной дорогой идешь, дорогая.

Конечно, мужик он крутой, конечно, трахается зачетно. Но на этом и все. Потому что попользует он тебя, глупая Сашка, да и кинет. Не плавают такие, как он, по тем же дорожкам в бассейне, что и ты. У них отдельные водоемы, без вони хлорки. И с элитными игрушками.

А с тобой так... Недоразумение. И потому, Сашка, никаких иллюзий. Рот не разеваем на то, что не твое.

И не будет твоим никогда.

И даже мечтать не надо про это.

Просто делаем жалостливое лицо, нюним глаза, рассказываем, как нам страшно, и как мы напугались жуткого дядьку, так, что даже и не сопротивлялись... Не важно, что было по-другому... За столько дней он уж и не вспомнит, как это было. А вот на совести можно сыграть. И на жалости.

Хотя, какая совесть у подпола из Конторы?

Ну, мало ли... Он не выглядел отморозком. И даже наоборот...

Все равно идти некуда.

После удачного побега от Козловских, я промоталась по городу несколько часов, погрелась в Маке, ощущая, как голодно урчит в животе.

Прикидывала по-всякому, как быть, что делать.

И только такой выход нашла.

Приехала сюда, просто посмотреть, решить, буду ли я это делать. Пойду ли просить помощи у мужика, с которым случайно провела одну ночь.

У пугающего, властного мужика, который запросто может меня раздавить, как котенка. Может заставить делать все, что ему надо.

Просто так.

Я понимаю, что все мои рассуждения – пустая блажь.

Что он может даже не узнать меня.

Что для него эта ночь вряд ли что-то значила серьезное. Да и несерьезное...

Все понимаю.

Но выхода нет другого.

Только панель – следующий шаг. Сейчас даже уборщицей не устроиться мне.

И ночевать негде.

Ловить левого мужика, садиться к нему на член?

Нет уж. Ни за что.

Еще вариант – уехать из города.

Но тоже без денег – никак. Только с дальнобоями, плечевой.

Тоже нет.

Меня трясет от голода, болезненной слабости и холода.

Я прекрасно понимаю, что выгляжу охереть, как плохо, и, наверно, мне даже не придется делать жалкий вид. Все натуральное будет...

Ну все.

Хватит.

А то упаду еще тут в обморок. И замерзну насмерть под новогодней елочкой, красиво украшенной гирляндой.

Я делаю шаг к дому, и тут в ворота заезжает шикарная черная тачка с госномерами.

Я замираю. Прячусь трусливо обратно за елочку, прикидываясь новогодним зайцем.

И наблюдаю, как из машины выгружается представительный высокий дядька, лет шестидесяти примерно, подает руку женщине, помогая выйти. На женщине красивая серая шуба.

Они проходят в дом, дверь открывает женщина в сером строгом платье. Явно прислуга.

И пара спокойно и с достоинством проходят в тепло светящийся проем. По-хозяйски.

А я понимаю одну простую вещь: этот дом не моего зверя-любownika. Это чужой дом. Вот этих людей! Наверно, его родителей!

А он тут, скорее всего, и не живет! Только бывает.

А, значит, моя охота не имеет смысла.

Не факт, что он появится здесь в ближайшее время.

И идти туда...

Да меня и на порог не пустят, побирушку.

Осознание этого, своей неудачи, до того ужасно, что я плачу.

Хотя на морозе плакать – последнее дело. Но ничего не могу с собой поделать.

Плачу, выхожу из-за елочки и топаю прочь по улице. Не знаю, куда, даже мыслей нет о будущем.

Из-за слез ничего вокруг не вижу, все в тумане.

И потому на машину, что уже минуту едет за мной, даже не обращаю внимания.

Машина гудит, настолько резко и неожиданно, что я подпрыгиваю на месте, потом торопливо убираюсь в сторону, думая, что мешаю кому-то проехать.

Но здоровенный и тоже черный джип тормозит рядом со мной, открывается окно, овеявая меня теплом и приятным табачным ароматом...

Я смотрю на водителя и глупо моргаю.

Не веря своим глазам.

Потому что это не новогоднее чудо. Это... Это не знаю даже, что...

Пауза затягивается, и, наконец, моему случайному любовнику надоедает разглядывать съезжившуюся фигуру и заплаканное лицо.

Он наклоняется, открывает дверь и командует отрывисто:

– В машину.

Мимикрия?

Виктор всегда думал, что с его возможностями найти конкретного человека в их городе, да и в области – вообще не проблема.

Поставил задачу смежникам, дал профилактического пинка, и в течение пары дней результаты есть.

Хоть какие-то. Отрицательные, положительные, но есть.

Но в этот раз что-то пошло не по плану.

Хотя, наверно, с самого начала все шло не так, как надо. С того момента, когда он, прошаренный опытный мужик, мало лошащийся в работе и никогда, никогда, мать твою, не лошащийся с женщинами... Очень конкретно прокололся.

И здесь дело даже не в том, что он, поймав в доме родителей воровку, потащил ее не в полицию, как положено, а в постель.

Тут-то, в принципе, его можно было понять на тот, конкретный момент.

Отходняк, приличная доза спиртного в организме, желание потрахаться, снять напряг... И хорошенькая, невинная на вид, бляха муха, Снегурка. Да тут святой бы не устоял!

Но вот то, что он, проснувшись утром, поискал ее немного, да и спать завалился...

Вот это очень серьезный проеб с его стороны.

Потому что не спать ему надо было, не спать. А камеры системы наблюдения смотреть... На которых, кстати, не было нихера.

А почему на них не было нихера?

А потому что сигнализация была отключена. Причем, грубо, по-варварски.

Получается, у Снегурки был подельник. Потому что сама бы она такое не провернула чисто технически. Мужик работал, высокий и крепкий.

А что это значит?

А значит это то, что вся жалостливая версия Снегурки о бедной бродяжке, случайно забредшей погреться в открытый дом... Туфта и хрень.

Она и раньше никакой критики не выдерживала, и это сразу было бы видно, если б Виктор думал головой, а не членом.

У Снегурки был подельник. Отключали конкретно этот дом. Шла она сюда с определённой целью.

Какой?

Какой, сука?

Сейф?

Он на пальцы отца и его, Виктора, настроен. Причем, ставили совсем недавно, буквально пару дней назад дополнительную защиту.

Цацки?

Да смешно. Еще, бляха муха, про костюм Снегурки вспомни.

Оставалось одно.

Прослушка.

Виктор, когда, проснувшись ближе к вечеру первого числа и сопоставив все эти данные, понял, что Сашка-то – далеко не невинная Снегурка, почему-то испытал дикое разочарование. И даже немного расстроился.

Правда, это не помешало ему поднять ребят из ОТО, оперативно-технического отдела, чтоб проверили дом на наличие всякого дерьма.

Ребята все проверили, ничего не нашли.

И это навело на еще более стремные мысли. Потому что теперь причина, по которой Снегурка явилась в дом родителей, явно будучи в курсе, что никого нет, становилась еще непонятнее.

А все, что непонятно – опасно.

Виктор разозлился и отдал распоряжение выкопать девку из-под земли.

Криминалисты, естественно, нашли пальцы в доме, проверили по базе. Ничего.

Пиздец.

Какая-то охеренная негласница... Наемница... Бля, кто она еще может быть? Кто послал? Зачем? Почему ничего не оставила после себя, кроме биоматериала? Да еще и так, словно не опасалась ничерта.

Словно знала, что не опознают, не найдут по нему. Или... Или просто одноразовая? И ее убрали давно уже? После того, как дело сделала? Какое дело? Что должна была сделать?

За несколько праздничных дней, естественно, ни хрена не выяснили.

Потом вернулся отец из Сочи.

Виктор проводил все мероприятия в доме родителей силами доверенных людей из своей службы, можно сказать, служебным положением пользовался. Отец доступа к его отделу не имел никакого,

Виктор напрямую Москве отчитывался, а потому про проверку на грязь в доме генерала ФСБ сам генерал ФСБ так и не узнал.

Виктор дополнительно напряг своих людей, чтоб разослали ориентировки по Сашке, с пальцами и фотороботом, который он по памяти сделал. Но пока что ничего не было.

Долбаные долгие российские праздники! Все, сука, пьют! Даже полиция!

Напрягать бесполезно!

Стеклянными глазами смотреть будут и в сторону аккуратно дышать!

Виктор не мог получить ответа на свои основные вопросы, не знал, с какой стороны ждать подставы, и потому ходил в постоянном напряжении.

Чувствовалось, что тут явно роют под отца.

Но вот кто?

Вариантов было несколько, все вполне себе реальные, все фигуранты – достаточно наглые, чтоб повернуть такое.

И в то же время, то, что так ничего и не нашел, и Сашку не нашел... Это дополнительно бесило не привыкшего выбешиваться мужчину.

Город шерстили, но вяло. Больше отчитывались. Ну не самому же ему по адресам ездить? Смешно. И нелепо. Надо просчитывать, превентивные меры принимать. А он, как говно в проруби, не знает, к какому берегу приткнуться.

И самое забавное, что теперь, после всего, Виктор даже отцу не мог рассказать о произошедшем.

Вернее, мог, конечно, но пока не было никаких результатов, это выглядело бы убого.

Типа, вот я тут, отец, лоханулся, с предполагаемым шпионом противника переспал. А потом отпустил ее, проворонил, вместо того, чтоб допросить по всем правилам. А это все потому, что устал, и что член в штанах не удержал.

Виктор лицо отца даже представить не мог в такой ситуации.

Учитывая, что последний раз, когда Виктор вот так вот, с обоссанными штанами, приходил в отцу, случился еще до его восемнадцатилетия... То сейчас это было бы некоторым образом чересчур.

Нет, сначала необходимо было найти Снегурку, выяснить ситуацию, заказчика и последствия, если они были, если она все же сделала, что хотела. А, если не сделала, выяснить причины.

А потом уже разговаривать с отцом. И вместе вырабатывать дальнейшую стратегию. Не обороны, нет.

Атаки.

Потому что Старицкие, династия военных, прослеживающая свою родословную чуть ли не от стрельцов царя Алексея Михайловича, никогда не прятались за крепостными стенами.

Длинные выходные подходили к концу, Виктор как раз ехал к родителям встречать Старый Новый год, когда ...

Она шла прямо по дороге. Маленькая, в большом безобразном пуховике и надвинутой низко шапке.

Зябка прятала руки в карманы.

И ничем не напоминала ту обольстительно-невинную Снегурку, которую он вспоминал постоянно, причем, не каждый раз, как фигурантку дела и возможную шпионку. Иногда и по-другому, от самого себя охеревая.

Нежная она была с ним, податливая, словно под него делали. И горячая, такая горячая.

Так что да. Вспоминал. И корону ее, в волосах запутавшуюся. И губы искусанные. И глаза обжигающе-невинные и распутные одновременно...

Надо же такой быть! Нереальной! И так не хотелось в эти моменты верить, что она шпионка, тварь, которую подослали к отцу с определенной целью.

И еще больше не хотелось верить, что ее уже нет. Что она сделала свое дело. Или не сделала. И ее убрали.

Поэтому Виктор обрадовался, когда увидел Снегурку на дороге, бредущую от дома его отца.

С отцом и мамой все было в порядке, Виктор только что видел, как они в дом заходили...

А значит, он мог со спокойной совестью ловить свою Снегурку.

Правда, теперь она на Снегурку не тянула.

Сейчас она походила на сиротливого продрогшего мышонка. Ее хотелось обогреть.

Виктор ехал за ней по дороге, прикидывая, долго ли она будет притворяться, что не замечает его машины.

И что она вообще тут делала?

Вернулась закончить начатое?

Нет?

Да не похожа...

Дурак ты, Старицкий.

Вот она, мимикрия во всей красе.

Профессионалка, что тут скажешь...

Он гуднул, ожидая всего. Даже выстрела.

Но не того, что она подпрыгнет на месте и уставится на него зареванными испуганными глазами. Сердце дрогнуло и заболело.

«Мимикрия», – напомнил себе сурово Виктор. И сказал командным, не терпящим возражений тоном:

– В машину.

Предложение.

Господи, только тот человек, который с холода заходит в теплое помещение, понимает весь кайф такого контраста. Когда кончики пальцев начинает ломить и покалывать, и хочется буквально глаза закрыть, наслаждаясь этим ощущением. Ты – живая. Ты все чувствуешь. Кааайф.

Только тот, кто ничего не жрал долгое время, полностью осознает удовольствие от первого вкусного куска, попавшего в рот. Когда слюну невозможно удержать. Сглатываешь, а она опять собирается! И остро чувствуется и сладость, и горечь и все, даже маленькие оттенки вкуса!

Только тот, кто был никому нахрен не нужен... Хотя, тут без изменений.

Я по-прежнему никому нахрен не нужна.

Но, по крайней мере, мне тепло.

Уютно.

Мягко покалывает кончики пальцев.

И Я ЕМ!

Вкусную лапшу с кусами мяса. Не знаю, как это правильно называется. В детдоме нас кормили вермишелью, называя это «макаронами по-флотски». Правда, вместо мяса там был жир со дна банки с тушенкой, но все равно невозможно вкусно.

Я, естественно, не дикая совсем. Я прекрасно понимаю, что ем блюдо итальянской кухни, в нем какие-то охренительные приправы, а еще куски мяса, а еще что-то соленькое, а еще какая-то травка...

Короче, ум отъешь.

Остановиться не могу, несмотря на то, что понимаю: надо бы вести себя поскромнее.

Потише.

Но никак. Желудок, как начал урчать, стоило Виктору открыть передо мной дверь этого ресторана (я знатно охерела, кстати, стояла столбом, пока он не подтолкнул меня ко входу), так и продолжает, предатель, до сих пор орать утробно на разные лады.

Я уже съела какой-то невозможно вкусный белый суп с рыбой, теперь ем макароны. А еще принесли что-то офигенное, по виду – произведение искусства, сладость, я даже не могу понять, из чего это состоит. И прямо предвкушаю, как распробую.

Прикольно то, что я прекрасно понимаю всю тупость ситуации. И слепой не была никогда, видела, какими взглядами нас встретили официанты, и как сейчас смотрят.

Словно я... Бродяжка, грязная шваль, подобранная на улице. Прихоть богатого мужика. Он сейчас меня накормит, а потом трахнет. Или я ему за вкусный обед в машине отсосу.

Эти мысли настолько явно читаются на холеных лицах, что ужасно хочется запустить в кого-нибудь из них тарелкой. И я, возможно, так и сделаю.

Вот доем только.

Не, на самом деле, я гордая. И вообще такая... Правильная. Хотя это смешно звучит от бывшей воровки.

Но тут ключевое слово «бывшей».

Я уже полгода как в завязке. Пытаюсь честно жить...

И вот, дожидая. До предательства друга детства и бомжевания.

Но все равно, не мое это. Не могу. И последнее мое дело, на котором поймал меня этот шикарный мужик, задумчиво перекатывающий во рту зубочистку и разглядывающий меня своим взглядом-рентгеном, доказывает именно то, что зря я поперлась. Зря позволила себе слабину.

Так, глядишь, и не было бы ничего.

И его, этого мужика, в моей жизни не было бы...

Я приканчиваю вермишель и плотоядно оцениваю кондитерскую прелесть.

Живот, наконец-то, получает достаточно, чтоб заткнуться.

– Выдохни, – насмешливо говорит Виктор, – а то лопнешь.

– А ты подальше отсядь, – огрызаюсь я и придвигаю к себе тарелку.

Виктор усмехается, но не мешает мне.

Первая ложка – это... О Господи! Это круче, чем оргазм! Даже с ним, с Виктором! Это настолько нереальное ощущение вкусовое, что я даже не верю себе. Так не может быть. У меня просто во рту столько вкусовых рецепторов нет!

Но вторая ложка добавляет кайфа и подтверждает первые впечатления.

А дальше я срываюсь в пищевой кайф и забываю обо всем.

Ем и ем, не смотря вокруг, и плевать мне на Виктора, на ехидно-надменные рожи официантов, на то, что он меня не жрать сюда привел... Я ем, пристанывая от удовольствия, и даже не замечаю этого.

Лишь с последней ложкой не-пойми-чего-охеренно-вкусного поднимаю глаза на Виктора и ловлю его изучающий внимательный взгляд. Уже поменявший тональность и ставший до ужаса похожим на тот, каким он смотрел на меня в кабинете. Перед тем, как трахнуть.

Ох, ё!

Не надо было стонать!

Под этим жадным взглядом я мучительно медленно сглатываю и тарашу глаза, стараясь выглядеть максимально придурковато. Может, пронесет? Нет, секс у нас был зачетным, но больше я не хочу.

Особенно, учитывая обстоятельства. Это реально будет выглядеть, как плата за еду. А отсасывать за еду, это, бля... Ниже плитуса, Сашка. Значительно ниже.

Прикидываю, чего делать буду, если он меня сейчас реально потащит трахать в машину. Вырваться? Спротивляться? Наверно, да.

Я же не за этим его караулила.

Кстати. Надо просто переключить.

Я открываю рот, чтоб пояснить, зачем я ошивалась у дома его родителей.

Не успела ведь в машине рассказать!

Сначала редела от облегчения, что его все же встретила, потом долго икала и пила воду, потом дрожала так, что Виктору пришлось печку прибавить. А затем у меня уркнул живот.

И подпол понял, что явно ему не светит со мной спокойного разговора пока что. Вот и принял меры.

Привез в этот ресторан, накормил вкусно. Ни о чем не спрашивал. Смотрел только.

А мне не жалко, пусть смотрит.

Главное, чтоб помог.

Пока ждали еду, говорить тоже было бесполезно. Живот урчал. А потом, когда принесли...

Да какие могут быть разговоры, когда тут ТАКОЕ?

Я временно выпала в гастрономический астрал, Виктор, заказавший себе только кофе, курил и смотрел, как я ем.

И, похоже, это дело ему нравилось.

Если я вообще что-то понимаю в мужиках, а понимаю я немного, конечно... Но не настолько.

Так вот, складывается полное ощущение сейчас, что он меня... Хочет.

Вот такую, бледную после болезни, со встрёпанной волосней, с белым кремом на губах...

Да бля! Он – извращенец!

И потому да, надо быстрее к делу, выторговать свои условия и свалить побыстрее.

Но прежде, чем я произношу хоть что-то, он успеваает задать вопрос:

– Подельник твой кто?

Ой...

– Ка-какой подельник? – пытаюсь играть дурочку. Он меня сразу расколол! И вот вопрос – что я ему могу предложить? И нафига ему со мной вообще возиться? Может, он уже все про меня выяснил? Он же ФСБшник! Ой, Сашка, какая ты тупая все же...

– Так, разговор окончен, – он выплевывает зубочистку, – пошла нахер отсюда.

– Стой! – торопливо начинаю говорить я, потом делаю паузу. Ладно, Сашка. Ладно. Не за жратву ты продаешься все же. Нет. А за безопасность. За жизнь свою. – Ладно. Давай по порядку тогда.

Он откидывается на стуле. Кивает приглашающе.

Я еще раз выдыхаю и... Начинаю говорить.

Все.

Обстоятельно.

С самого начала.

Он слушает. Периодически прерывает меня, задавая уточняющие вопросы. Странные, кстати, на мой взгляд, вообще не логичные.

Отвлеченные.

Например, какое образование у Ваньки. Был ли он в армии. Кому принадлежит комната, в которой он живет сейчас.

Я отвечаю. Правду. Потому что, снявши голову, по волосам не плачут, как говорил наш сторож.

Я сдаю своего кореша. Своего детдомовского друга, который заступался за меня перед старшаками. И пару раз даже дрался за меня. Когда совсем мелкой была.

Сдаю его, наплевав на наше детдомовское братство, на непреложный закон о запрете крысятничества и стукачества, вбитый в подкорку.

Рассказываю все.

И чувствую себя при этом отвратно. Несмотря на то, что Ванька – сам крыса, я-то не такая!

А нет, Сашка, ты – такая. Привыкай.

Виктор после того, как я замолкаю, тоже какое-то время молчит.

Сверлит меня взглядом.

Станным. Очень странным. Словно на детальки пазл раскладывает. Крутит-вертит каждую деталь, прикидывая, правильно-неправильно, пойдет-не пойдет...

Потом берет телефон и, глядя мне в глаза, начинает надиктовывать невидимому собеседнику мои данные. И данные Ваньки.

И, если он ищет в моем лице неуверенность, то вот фигурки ему. Я всю правду сказала. Хоть и стыдно, и тупо это. Но всю.

И проверить это реально легко с его связями.

– Пей кофе, Саша, – кивает он на большущий стакан кофе с молоком и пушистой шапкой взбитых сливок.

А сам углубляется в чтение информации, которую ему уже, походу, скинули на телефон.

Я пожимаю плечами и пью. Вкууусно. Конечно, не такой оргазмический оргазм, как с десертом, но все равно вкусно. Хлюпаю неприлично трубочкой, ловлю на себе осуждающие взгляды официантки.

Вынимаю трубочку из кофе и, назло ей, демонстративно начинаю обсасывать конец. Тоже громко втягивая остатки сливок и кофе в рот.

Она морщится чуть заметно, а мне весело. Ишь ты, красотка благородных кровей! Можно подумать, сама так никогда не делала!

Назло ей еще раз облизываю трубочку.
И ловлю взгляд Виктора на своих губах.
Да ну нахер.
Маньяк, блин.

– Так, Саша, – он подается вперед, смотрит на меня, не отрываясь, серьезно и жестко, – на первый взгляд, информация по тебе выглядит вполне стройной. Но я не могу на основании ее и твоих слов тебе верить. Слишком много вопросов, ответов на которые ты не знаешь. Или не хочешь говорить.

– Да я... – тут же вскидываюсь в праведном гневе, но он прерывает решительно:

– Неважно. До полной проверки информации ты будешь под присмотром. И не просто под присмотром...

Я молчу. В принципе, я готова к его любому предложению. И даже знаю, на какие точно не соглашусь.

Он усмехается мне, словно мысли в этот момент читает, и говорит:

– У меня есть для тебя работа, Саша.

Опа! А вот этого я не ожидаю!

Работа для Снегурки.

– Нет, Гор, без меня, – Виктор завернул на улицу, где жили родители, – да, Крещение, сам понимаешь.

– Ладно, тогда завтра созвонимся, – пробасил в трубку Гордей Волгин, тоже подполковник, но из другой, смежной структуры, – может, подъедешь к утренней рыбалке?

– Посмотрим, не буду обещать.

– Опять друга на бабу променяешь?

– Да ты чего? Как можно? Чтоб тебя – и на бабу... Только на двух!

– Смотри, – Гордей, которого в узких, ну очень узких кругах звали по-простому, Гором, и, надо сказать, очень ему это прозвище шло, сгустил и без того низкий бас, – а то помнишь, как в «Стеньке Разине»?

Гор был большим ценителем оперы, рыбалки и активных видов спорта.

– Не помню, – открестился Виктор, захлопывая дверцу машины, – это ты у нас театрал.

– Бля, ну вот какой из тебя начальник? Кругозора никакого...

– Ну да, как ты, эпично мозг ебать подчиненным не умею, – рассмеялся Виктор, взбежал на крыльцо и нажал на звонок.

– А надо бы уже уметь... А то так и генералом невнятным будешь...

– Да мне до генерала, как до Китая раком...

– Не так уж далеко...

Тут открылась дверь, и Виктор, оторопело глядя на девушку в строгом платье с небольшим фартучком спереди, торопливо попрощался:

– С Крещением, Гор!

И, не слушая ответной любезности, нажал на сброс.

– Привет, Саша.

– Добрый вечер, Виктор Евгеньевич.

Снегурка, которую он со Старого Нового года не видел, опустила взгляд и отошла в сторону, давая ему войти.

– Как дела? – он раздевался, машинально расстегивал пуговицы пиджака, а сам не сводил глаз с девушки. Так похожей и так не похожей на ту самую Снегурку, что было нереально сладко трахать в новогоднюю ночь.

Она поправилась немного, округлилась. Щечки стали розовыми, чисто вымытые волосы – светло-золотыми. И вообще она производила впечатление нежной феечки, красивой и невинной. Оттого воспоминания, как он целовал эту феечку, как брал ее, заставлял садиться на себя верхом, выгибаться ломко и изящно... Завели.

Почувствовав привет снизу, Виктор нахмурился и уже с неудовольствием посмотрел на девушку.

– Все хорошо.

Она опустила взгляд, то ли изображая невинную овечку, то ли реально смущаясь. Виктор склонялся больше к первому варианту. Потому что невинная овечка из нее, как из него знаток оперы.

– Обживаешься? Все получается?

– Да...

И опять все это, не поднимая взгляда.

Ах, ты ж... Святая ты невинность...

Ладно.

Виктор кивнул и прошел в гостиную, к родителям и сестре.

Гостей сегодня не приглашали, Крещение в семье Старицких отмечалось исключительно в семейном кругу.

Экономка тетя Валя, которая работала в семье ровно столько лет, сколько было младшей сестре Виктора, Светлане, мелькнула в проеме двери, улыбнулась ему и убежала по своим делам.

Надо будет у нее потом подробно про Снегурку расспросить. В конце концов, она – прямой начальник теперь Сашки.

Мысль устроить Сашку горничной в дом родителей пришла Виктору в голову вполне закономерно и логично. Сразу.

Там, за столом в итальянском ресторане, пока слушал рассказ девчонки. И, чисто машинально, на автомате уже, проверял достоверность ее слов.

Техники ведения допроса и вытаскивания из подозреваемого нужной информации максимально незаметными способами были отработаны настолько, что давно стали второй натурой. Иногда Виктор ловил себя на том, что даже обычный разговор строит так, чтоб проверить, правду ли говорит человек, или обманывает.

Он проверял слова Сашки, и по всему выходило, что она не врала, когда рассказывала ему о своей горькой сиротской доле.

По крайней мере, твердо была уверена, что не врет.

Проверить личность Снегурки особого труда не составляло. И навскидку и более глубоко. Естественно,

Виктор собирался выяснять ее по полной программе, но пока можно было и старыми методами обойтись.

Он слушал, привычно фиксируя реперные точки, ключевые моменты, имена, даты.

Понятное дело, что Снегурка могла сдать только исполнителей. Причем, бездарных.

История вообще выходила глупая.

Козел, которого Виктор знал и искренне считал редкостным отморозком, как и все остальные, впрочем, зачем-то заинтересовался флешками, которые лежали в сейфе у генерала, на минуточку, ФСБ.

Первый вопрос: где Козел и где генерал ФСБ? Не сходится. Козел – обычный уголовник, не самого высокого пошиба. Ему генеральские флешки ни в одно место не упали. Вообще не сходится.

Ладно, дальше.

Для того, чтоб взять эти флешки Козел привлекает не опытного домушника, а мелкого денегерата Ваньку Возницкого.

Второй вопрос сразу за первым: нахера? У Козла нет людей, способных обнести дом генерала? Или Козел не хотел светиться лично? Или вообще, все там крышей поехали? На тяжесть какую-то сели всей веселою толпой???

Дальше.

Ванька сам не лезет в дом, а отправляет туда удачно нарисовавшуюся Сашку.

Тут все понятно. Сашка уверяла, что Ванька вообще не лазил никогда по домам. В отличие от нее, святой невинности.

Виктор вспомнил, как она в этот момент подняла на него нежные голубые глазки. И всосала остатки кофе через трубочку.

Удар по яйцам мгновенный!

Ладно. Дальше.

Сашка лезет в дом, толком ничего не выяснив перед этим. Спишем на усталость и стресс. Ванька, как она уверяла, тоже не в курсе был, к кому лезут и зачем.

Зато Сашка знала код от сейфа, верный, кстати, а Возницкий знал, как вырубить сигнализацию и камеры. Откуда?

Те, кто давал Ваньке информацию, не подозревали, что сейф недавно переоборудовали, поставив новые датчики, срабатывающие на отпечаток пальца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.